© 2021. И. В. Пырков

Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Россия

Образ газеты и значение периодической прессы как одной из основ информационного мира в романе И. А. Гончарова «Обломов»

Аннотация: Статья посвящена анализу художественных функций образа газеты в романе И. А. Гончарова «Обломов» и осмыслению нравственно-философских итогов противоборства главного героя с профанными информационными вызовами внешней среды. Особое внимание уделяется смысловому наполнению парадигмы Обломов — информационный мир, интерпретируемой с учетом богатого опыта работы Гончарова в газетно-редакторской сфере. Автор статьи доказывает, что одним из центральных постулатов в нравственно-философской концепции писателя является сохранение человечности. Диалоги героев и столкновение их позиций показывают, что гуманность в понимании Обломова перекликается с соответствующим ее осмыслением Гончаровым, раскрывают сложное и многогранное мировидение писателя. В исследовании намечается эволюция отношения к информационной модели в русской классической литературе и рассматривается вопрос о соразмерности между внешней инерцией и внутренней динамикой, свойственными Илье Ильичу Обломову. Выдвигается гипотеза о напряженной духовной жизни Обломова, расшифровывается целесообразность произнесения главным героем имени Пушкина.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обломов», газета, цензура, «реальное направление», обличительные тенденции, информационный мир, А. С. Пушкин.

Информация об авторе: Иван Владимирович Пырков, доктор филологических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, 104, 410028 г. Саратов, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>.

E-mail: allekta@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 03.02.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 14.04.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2021

Для цитирования: Пырков И. В. Образ газеты и значение периодической прессы как одной из основ информационного мира в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 120–137.

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-120-137>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 120–137. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 120–137. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Ivan V. Pyrkov
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia

The Newspaper and Other Markers of the Information World in the Novel *Oblomov* by Ivan Goncharov

Abstract: The article is devoted to the analysis of the artistic functions of the image of newspaper in the novel by I. A. Goncharov *Oblomov* and the comprehension of moral and philosophical results of the confrontation of protagonist with the profane information challenges of the external environment. Particular attention is paid to the semantic content of the Oblomov paradigm — the information world, interpreted taking into account the rich experience of Goncharov's work in the newspaper editorial field. The author of the article proves that one of the central tenets in the moral and philosophical concept of the writer is the preservation of humanity. The dialogues of heroes and the clash of their positions show that humanity in Oblomov's understanding echoes the corresponding understanding of it by Goncharov, revealing the complex and multifaceted worldview of the writer. The study outlines the evolution of attitudes towards the information model in Russian classical literature and examines the issue of the proportionality between external inertia and internal dynamics characteristic of Ilya Ilyich Oblomov. A hypothesis is put forward about the intense spiritual life of Oblomov, the expediency of pronouncing the name of Pushkin by the protagonist is deciphered.

Keywords: Ivan Goncharov, *Oblomov*, newspaper, censorship, “real direction”, accusatory tendencies, the information world, Aleksandr Pushkin.

Information about the author: Ivan V. Pyrkov, DSc in Philology, Professor, Saratov State Law Academy, 104 Chernyshevskogo str., 410028 Saratov, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

E-mail: allekta@yandex.ru

Received: February 03, 2021

Approved after reviewing: April 14, 2021

Published: June 28, 2021

For citation: Pyrkov, I. V. “The Newspaper and Other Markers of the Information World in the Novel *Oblomov* by Ivan Goncharov.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 2, 2021, pp. 120–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-120-137>

В судьбе И. А. Гончарова отечественная периодика занимала особое место. Ю. М. Лощиц обращает внимание на кропотливый и, в сущности, неблагодарный труд, проделанный Гончаровым — редактором правительственной газеты «Северная почта»: «С первых же месяцев своего редакторства Гончаров оказался по рукам и ногам опутан неотлагательными административными заботами <...>. Иван Александрович попытался для начала изменить хотя бы внешний облик газеты, улучшить литературный уровень её материалов <...>. А ведь и корректуры надо прочитывать ему самому. И самому править статьи сотрудников» [Лощиц: 259–260].

Редакторские будни отразились в гончаровском эпистолярном наследии. Так, в письме к Д. Л. Кирмаловой писатель делится концептуально значимыми размышлениями о работе на посту главного редактора правительственной газеты, косвенно затрагивая актуальную для него на протяжении долгих лет оппозицию: «служба — творчество». «Ну, что сказать? Сказал бы: скучно, пора перестать жить, да некогда и подумать об этом. Работа поглощает меня всего, а это имеет именно ту хорошую сторону, что не дает замечать времени, жизни. *Равнодушие ко всему* (курсив Гончарова. — И. П.) делает меня до того прилежным, что министр третьего дня выразил удивление, сказав, что он не ожидал от меня или ожидал всего, кроме трудолюбия, считая меня за Обломова. <...> Никуда не хожу, ничего не читаю, кроме “Северной почты”» [Суперанский: 430].

В 1856 г. Гончаров принимает на себя обязанности цензора Петербургского цензурного комитета, в 1865 г. становится членом Совета по делам печати. Гончарову, выступавшему относительно целого ряда периодических изданий («День», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная почта» и др.) в роли цензора, автора, редактора, специфика газетной среды и информационного мира в целом была хорошо известна.

Закономерно, что данное обстоятельство, существенно дополняющее фонд биографических сведений о Гончарове, уточняющее его писательский портрет, вызывает неослабевающий интерес исследователей на протяжении многих лет [Ковалёв; Гайнцева; Греков; Котельников; Труайя Анри; Зубков].

Однако, несмотря на важность и концептуальное значение [Пыркoв 2012], образ газеты в творчестве Гончарова до сих пор остается неизученным [Семёнов 2012].

Проблема столкновения Ильи Ильича Обломова с информационным потоком в многообразных его воплощениях (слухи, людская молва, письмо) также до сих пор не исследована. Проанализируем несколько ключевых эпизодов из романа «Обломов», в которых образ газеты получает метафорическое обобщение, и рассмотрим столкновение главного героя с чуждым ему, внешним, не затрагивающим смысловых глубин жизни информационным потоком.

Характеризуя замкнутую жизнь Ильи Ильича Обломова и подчеркивая внешнюю инерцию героя, автор замечает: «На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями; но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; номер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха» [Гончаров 2000: 7]. Глубоко символично, что «номер газеты» датирован прошлым годом — в обломовском полутемном жилище все так или иначе тяготеет к прошлому, тогда как времени настоящему, сегодняшнему дню пробиться сюда не легче, чем солнечным лучам сквозь спущенные «сторы» [Гончаров 2000: 6]. Семантически значим отнесенный к газете глагол «валялась», демонстрирующий, насколько герой пренебрежительно и критически воспринимает газетную информацию, насколько далек он от злобы дня, которая неизбежно отражается в газетном содержании. Примечательно, что в романе «Обрыв» автор помещает слово «газета» в принципиально иной контекст: Борис Райский объясняет Леонтию Козлову весомость газеты в новых социально-экономических и политических обстоятельствах: «Ах ты, старover! как ты отстал здесь! О газетах потише — это Архимедов рычаг: они ворочают миром...» [Гончаров 2004: 209].

«Жизнь трогает», [Гончаров 2000: 166] — жалуется Обломов Штольцу и предпринимает отчаянные усилия, чтобы отмахиваться от беспокоящих «щипков» действительности. В этой постоянно ведущейся упорной борьбе за право «выделки покоя» [Гончаров 2000: 180] свежая газета Илье Ильичу не помощник. Он довольствуется прошлогодним «нумером», возможно так ни разу и не открытым. В Обломовке, где рос и воспитывался главный герой, информационный поток сводился к нулю: письма предпочитали не получать (по принципу лучшая информация — ее отсутствие), если всё же получали по недосмотру, то годами, как это произошло с письмом некоего Радищева, помещика-соседа, не открывали. Газеты же если и читали, то «третьегодичные». Отец Обломова, Илья Иванович, долгим зимним вечером мог почитать для собравшейся семьи «третьегодичные ведомости» [Гончаров 2000: 136]. Девиз обломовцев, сформулированный всё тем же главой семейства, звучал характерно: «То ли бы дело, если б каждый день как вчера, вчера как завтра!...» [Гончаров 2000: 129]. За этот жизненный алгоритм и ведёт борьбу Илья Ильич Обломов, впитавший вместе с молоком матери главные темпоральные ценности обломовского мировосприятия.

«Да ты поэт, Илья!» — восклицает Штольц, когда Обломов доверяет ему свою мечту о семейном счастье на фоне идеализированного усадебного пейзажа. «Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия» [Гончаров 2000: 178–179], — отвечает, в соответствии со своей жизненной философской программой, Илья Ильич. В обломовском плане по обустройству имения мы видим пышные цветники, березовую рощу, семейный ужин, неспешное общение с друзьями. И никаких газет — даже «третьегодичных».

В экспозиционной части романа автор изображает амбивалентную природу главного героя, противопоставляющего общепринятому пониманию исторического прогресса поэзию повседневности, невольно переносящего ментальную проекцию идиллической Обломовки в реальный мир, показываемый автором в том числе и сквозь призму газетных страниц.

Продолжая раскрывать образ Ильи Ильича Обломова, Гончаров пишет: «Что ж он делал дома? Читал? Писал? Учился?

Да: если попадетсЯ под руку книга, газета, он ее прочтет» [Гончаров 2000: 60]. Правда, чтение это своеобразное — герой или забудет о прочитанном, или отложит, не дочитав, до лучших времен.

Андрей Штольц прямо спрашивает своего друга: «Ни газеты не видать... — Читаешь ли ты газеты?» И получает прямой, хотя далеко не прямолинейный ответ: «Нет, печать мелка, портит глаза... и нет надобности: если есть что-нибудь новое, целый день со всех сторон только и слышишь об этом» [Гончаров 2000: 169].

Штольц спрашивает не из любопытства, и не только потому, что уличает Илью Ильича во внешней бездеятельности на фоне постоянно спешащей петербургской жизни, где набирают обороты буржуазные отношения. Для Штольца информационная замкнутость сама по себе непредставима. Ежедневные сводки, сведения экономического характера, оповещение о важных городских событиях, политические новости — без газетных страниц, информирующих о действительности и её моделирующих, капиталистическая машина не могла набрать должного хода.

В ответных словах Обломова легко угадывается ирония: мелкая печать, как можно предположить, означает несущественность газетной тематики, её сиюминутность, не связанную с теми требованиями основательности и прочности, которые Обломов предъявлял к жизни.

Действие романа приходится на середину 1840-х гг., в это время газетная периодика была проникнута мотивами политической борьбы, знакомила читателей с художественными и публицистическими произведениями А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, П. А. Вяземского, А. С. Хомякова, Ф. В. Булгарина и многих других авторов, относящихся к противоположным идейным лагерям. По заключению Т. А. Семёновой, «Русская печатная газета <...> становится в первой половине XIX века ареной борьбы <...> за читателя» [Семёнова 2010]. У Обломова — своя «арена борьбы», Илья Ильич сражается за право не быть как «другие», за уникальность своего маленького мира.

Однако в диалоге с одним из своих «утренних визитеров» литературным поденщиком Пенкиным, привносящим в жилище Ильи Ильича едкий запах типографской краски, дух газетных новостей, Обломов доказывает, что прекрасно разбирается в проблематике и тематической выборке современной ему периодики. Буквально не поднимаясь с дивана, Илья Ильич в пух и прах разбивает идеологию ратующего за «реальное направление» и обличительные тенденции беллетриста-газетчика:

— <...> Читали мою статью?

— Нет.

— Я вам пришлю, прочтите.

— О чем? — спросил сквозь сильную зевоту Обломов.

— О торговле, об эмансипации женщин, о прекрасных апрельских днях, какие выпали нам на долю, и о вновь изобретенном составе против пожаров. Как это вы не читаете? Ведь тут наша повседневная жизнь. <...>

— Много у вас дела? — спросил Обломов.

— Да, довольно. Две статьи в газету каждую неделю, потом разборы беллетристов пишу <...> [Гончаров 2000: 26].

Илья Ильич, продолжая зевать от скуки, слушает Пенкина до тех пор, пока тот не заговаривает о «презрении над падшим человеком» [Гончаров 2000: 27].

— Что ж еще нужно? И прекрасно, вы сами высказались: это кипучая злость — желчное гонение на порок, смех презрения над падшим человеком... тут все!

— Нет, не все! — вдруг воспламенившись, сказал Обломов. — Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! — почти шипел Обломов. — Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. <...> Какое же тут искусство, какие поэтические краски нашли вы? Обличайте разврат, грязь, только, пожалуйста, без претензии на поэзию.

— Что же, природу прикажете изображать: розы, соловья или морозное утро, между тем как все кипит, движется вокруг? Нам нужна одна голая физиология общества; не до песен нам теперь...

— Человека, человека давайте мне! — говорил Обломов. — Любите его... [Гончаров 2000: 26–27].

То, что для Пенкина, характерного представителя кипучей газетной среды, с ее обличениями, спорами, идейными столкновениями, неотложной сиюминутной злободневностью, оказывается не просто хлебом насущным, а прочно ассоциируется с прогрессом, для Обломова — топтание на месте, механическая деятельность ради деятель-

ности. «И всё писать, всё писать, как колесо, как машина: пиши завтра, послезавтра; праздник придет, лето настанет — а он все пиши? Когда же остановиться и отдохнуть? Несчастный!» [Гончаров 2000: 29]. Илья Ильич догадывается, что прошлогодний «номер» газеты мало чем отличается от сегодняшнего, он с первого взгляда, при всей своей внешней инфантильности (или, как сформулировал один из комментаторов, «застарелом младенчестве» [Адян 1992]), безошибочно отличает вечное от сиюминутного, значимое от несущественного. Представление Обломова о прогрессе базируется на неизменных ценностных установках, манифестированных им, в частности, в диалоге-полемике с Пенкиным.

Более того, за вдохновенной отповедью Обломова угадывается взгляд автора на односторонность «обличительного направления», в обломовском голосе отчетливо слышатся гончаровские нотки. «Вопросы о религии, о семейном союзе, о новом устройстве социальных начал, об эмансипации женщины <...> не суть частные, подлежащие решению той или другой эпохи, той или другой нации, того или другого поколения вопросы, — писал многое повидавший к тому времени как редактор и цензор Гончаров в предисловии к роману “Обрыв”. — Это общие, мировые, спорные вопросы, идущие параллельно с общим развитием человечества <...> за них ведется постоянная борьба в науке, в недрах церкви, на политической арене, всюду» [Гончаров 1952–1955. 8: 154].

Позицию романиста Гончарова ошибочно было бы считать консервативной, гончаровское мировидение сложно и многогранно. В. И. Мельник в книге «И. А. Гончаров» подчеркивает: «Гончаров был умным цензором, он отвергал пустое зубоскальство и “обличительство”, но не придирался к пустякам и щадил настоящую литературу. <...> Цензорская деятельность Гончарова выпала на тот период, когда в русское общество начинают проникать <...> вульгарноматериалистические <...> идеи. Вот образец его отзыва на статьи известного «разрушителя эстетики» Д. И. Писарева: «Г[осподин] Писарев с свойственной ему заносчивостью (но не без дарования и живой выработанной речью) разрушает господствовавшие доселе начала критики и эстетический вкус <...>. Самого Пушкина понимает как рифмоплета, как поверхностный, слабый и мелкий ум, не способный сознать и оценить серьезных явлений и потребностей своего времени». Крити-

ческое дарование за Писаревым цензор признает, но циничного отношения к Пушкину ему простить не может. В разрушении эстетического начала Гончаров <...> видел разрушение основ самой жизни <...>» [Мельник: 45].

Гончаров не приемлет крайностей, для него переустройство общества может быть только эволюционным, основанным на почитании традиций и гуманности. Сохранение человечности — один из центральных постулатов в нравственно-философской концепции писателя. Диалог Обломова с Пенкиным не просто наводит на размышление о том, что гуманность в понимании Ильи Ильича перекликается с гуманностью в понимании Гончарова, но и многое проясняет в позиции Гончарова-цензора.

Немаловажную роль газета играет в движении сюжета романа. Ольга Ильинская, задавшись целью приобщить Обломова к деятельности, мечтала «...как “прикажет ему прочесть книги”, которые оставил Штольц, потом читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, писать в деревню письма, дописывать план устройства имения, приготовиться ехать за границу <...>. И все это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая еще не начала жить! Она — виновница такого превращения!» [Гончаров 2000: 205].

Ольге удается на время «разбудить» Обломова: «Он догнал жизнь, то есть усвоил опять все, от чего отстал давно; знал, зачем французский посланник выехал из Рима, зачем англичане посылают корабли с войском на Восток; интересовался, когда проложат новую дорогу в Германии или Франции. <...> Он усвоил <...> то, что вращалось в кругу ежедневных разговоров в доме Ольги, что читалось в получаемых там газетах <...>» [Гончаров 2000: 273].

Ольга Ильинская считает «ежедневное» чтение газет и пересказ газетных новостей одним из главных условий преображения Обломова. И Обломов действительно меняется, «догоняет жизнь», по выражению автора. Хотя его преображение связано, конечно, не с газетами, а с женским влиянием Ольги.

Чернильница Ильи Ильича теперь «полна чернил», на столе лежит «гербовая» бумага, он пишет Ольге глубоко прочувствованные письма, где ни разу не сталкиваются, как раньше, «что» и «который», он ходит с Ольгой в театр, он готов к переустройству Обломовки, он собирается

за границу, он похож на «других», перед ним дилемма «*теперь* или *никогда*» [Гончаров 2000: 188]. «Он усвоил только то, что вращалось в кругу ежедневных разговоров в доме Ольги, что читалось в получаемых там газетах, и довольно прилежно, благодаря настойчивости Ольги, следил за текущей иностранной литературой. Все остальное утопало в сфере чистой любви» [Гончаров 2000: 273].

Обломов влюбился, однако «летняя, цветущая поэма любви как будто остановилась <...>» [Гончаров 2000: 302]. Причин можно назвать немало. Одна из них, как мы полагаем, в прямом столкновении Обломова с внешним информационным потоком.

Захар, как называет его Гончаров, рыцарь «и со страхом, и с упреком» [Гончаров 2000: 67], задает Илье Ильичу вроде бы вполне безобидный вопрос, но смещает им парадигму восприятия Обломова, который как будто открывает глаза и видит происходящее совсем в ином, чем несколько мгновений назад, свете. Вопрос Захара Трофимовича выглядит невинно:

— Стало быть, свадьба-то после Рождества будет? — прибавил Захар.

— Какая свадьба? — вдруг встав, спросил Обломов.

— Известно какая: ваша! — отвечал Захар положительно, как о деле давно решенном. — Ведь вы женитесь?

— Я женюсь! На ком? — с ужасом спросил Обломов, пожирая Захара изумленными глазами.

— На Ильинской барыш... — Захар еще не договорил, а Обломов был у него почти на носу.

— Что ты, несчастный, кто тебе внушил эту мысль? — патетически, сдержанным голосом воскликнул Обломов, напирая на Захара.

— Что я за несчастный? Слава тебе Господи! — говорил Захар, отступая к дверям. — Кто? Люди Ильинские еще летом сказывали.

— Цссс!.. — зашипел на него Обломов, подняв палец вверх и грозя на Захара. — Ни слова больше! [Гончаров 2000: 319].

Если мелкую газетную печать Обломов просто не замечает, если «огромные бледные буквы» письма от старосты, полного тревожных известий о безрадостном сегодняшнем дне Обломовки («Пятую неделю нет дождей»; «Озимь ино место червь сгубил...»; «... нынешний год пошлем доходцу <...> тысячи яко две помене против того года <...>»

[Гончаров 2000: 35]) хоть как-то нейтрализуются имеющимся в запасе у Ильи Ильича пусть и идиллическим, но все же планом переустройства имения, то озвученная пестрой людской массой информация, врывающаяся во внутренний мир Ильи Ильича прямо с улицы, неприемлема и неодолима для Обломова.

Обломов потрясен. Любовь к Ольге преобразила его, помогла преодолеть скепсис и проявить свои лучшие качества («Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!» [Гончаров 2000: 467] — скажет про своего друга пронизательный Штольц). Но любовь сделала Обломова уязвимее. Оставаясь «поэтом в жизни», Илья Ильич представлял себе свадьбу как «поэтический миг», «венец счастья». Для Обломова немыслимо, что этот «миг» обсуждают «люди», говорят о нем «лакеи», «кучера». Глубоко личностный и неповторимый момент его судьбы, который еще пока только грезится «в розовой атмосфере» [Гончаров 2000: 320], как чудо, стал темой для пересудов. Илья Ильич Обломов в ужасе узнал, что личностно-интимная сфера его существования превратилась в информацию для «других», распространяющуюся «по лакейским, по магазинам, по рынкам» [Гончаров 2000: 322].

Любопытна оценка Обломова, сформулированная автором «Истории русской словесности» П. Н. Полевым: «В Обломове, человеке умном, сердечно-прекрасном, одаренном недюжинными способностями, обеспеченным хорошими материальными средствами, он (Гончаров. — И. П.) представил нам несчастного, полубольного <...> маньяка, который сам лишает себя всяких прелестей жизни <...>» [Полевой: 468]. Кстати, и про службу Гончарова Петр Николаевич Полевой высказывался весьма характерологично, замечая, что «40 р. сер. с печатного листа» [Полевой: 468] в качестве гонорара за «Обыкновенную историю» не могут быть единственным доходом для жизни в столице.

Парадокс в том, что герой Гончарова, Илья Ильич Обломов, оказывается в каком-то смысле свободнее и независимее автора, поскольку Обломову не нужно отправляться каждый день на службу. Вот и подумаем теперь: разве допустит столь одержимый своей независимостью от времени и свободой от информации *внешнего* мира герой, чтобы кто-то посторонний, кроме, может быть Ольги, касался его мира *внутреннего*? Всего лишь обсуждение предстоящей свадьбы «людьми», мысль о публичности счастливой минуты заставляет потускнеть в его

воображении «померанцевую ветку» [Гончаров 2000: 320]. Илья Ильич попытался вновь представить свадьбу в сияющем свете. «Но краски были уже не те: тут же, в толпе, был грубый, неопрятный Захар и вся дворян Ильинских, ряд карет, чужие, холодно-любопытные лица. Потом, потом мерещилось все такое скучное, страшное...» [Гончаров 2000: 320]. Гончаров вскрывает одно из важнейших психологических свойств Обломова — его принципиальную непубличность. Свойство, во многом воспитанное укладом жизни в Обломовке. Идиллический усадебный мир обломовцев был не создан для каких бы то ни было средств *внешней связи*. Как совершенно справедливо замечает И. Н. Сухих, даже само сопоставление выглядит странно: «Обломов — и телеграф» [Сухих: 97]. Точно так же невозможно представить, что о личной жизни Обломова или о его семейном круге пишут газеты.

Свойство категорической непубличности — типично обломовская черта. Во всяком случае Лаврецкий из тургеневского «Дворянского гнезда» узнает и о жизни своей супруги в Париже, и о ее мнимой смерти именно из газет, смиряется с тем, что его жена стала настоящей «известностью» [Тургенев 1981. 6: 54]. В чеховской драме «Три сестры» из кармана военного доктора Чебутькина привычно торчит газета, автор так и указывает в ремарке: «...он все время с газетой» [Чехов 1986. 13: 131]. Как будто все понимающий, но не имеющий возможности ничего изменить герой стремится спрятаться за фантомной информационной моделью от ощущения безысходности и беспомощности, собственного трагическому мировосприятию эпохи «конца века» — “Fin de siècle”.

Для Обломова, человека, живущего по собственному, обломовскому летоисчислению, подобное невозможно в принципе.

И все же не будем упускать из внимания амбивалентность гончаровского героя. Сфокусируем внимание на последней мизансцене с участием Обломова. Далеко позади осталось житье на Гороховой, позабыты планы о перемене жизни в Обломовке, Ольгино пение (Casta Diva, ария из оперы В. Беллини «Норма») не звучит больше, Илья Ильич нашел свою Милитрису Кирбительвну, Агафью Матвеевну Пшеницыну, и провел несколько счастливых лет на Выборгской стороне, среди мира и тишины, в кругу любимой семьи. Для все понимающего Штольца такое развитие событий означает «никогда». Для все чувствующего Обломова — значит «теперь».

— Ты ли это, Илья? — упрекал он. — Ты отталкиваешь меня, и для нее, для этой женщины!.. Боже мой! — почти закричал он, как от внезапной боли. — Этот ребенок, что я сейчас видел... Илья, Илья! Беги отсюда, пойдем, пойдем скорее! Как ты пал! Эта женщина... что она тебе...

— Жена! — покойно произнес Обломов.

Штольц окаменел.

— А этот ребенок — мой сын! Его зовут Андреем, в память о тебе! [Гончаров 2000: 483].

Ответ Обломова Штольцу полон не только драматизма, но прежде всего тихого внутреннего достоинства. Илья Ильич предстает перед читателями человеком внутренне свободным, самодостаточным и, что самое главное, не прекратившим ни на минуту духовного труда, безошибочно отделяющим главную информацию от второстепенной («Я не сплю, я все слышу...» [Гончаров 2000: 150]).

Перед последней встречей с Андреем Штольцем, в начале эпизода, Алексеев рассказывает Обломову новости. Образы большинства «утренних визитеров» так и останутся в читательской памяти изящно выточенными автором из лексического материала статуэтками. Но Алексею, произносящему *прописные* истины («Никогда не надо предаваться отчаянию: перемелется — мука будет» [Гончаров 2000: 36], этому герою-спутнику, суждено выполнить еще одну, значимую для архитектоники романа и для более точной нюансировки портрета Обломова миссию.

Алексеев сообщает Илье Ильичу, которому нельзя больше спать после обеда из-за недавнего удара, о газетных новостях, услышанных от читавшего газету Дмитрия Алексеевича, сына Алексея Спиридоныча. Фамилия Алексеева несколько раз обыгрывается автором, возможно, намекающим в данном случае на передачу информации из уст в уста, от лица к лицу. Газетные новости доходят до Обломова не на прямую, а опосредованно, глухим отзвучьем, искривленным отражением.

— Да-с, иногда читаю, или другие читают, разговаривают, а я слушаю. Вот вчера у Алексея Спиридоныча сын, студент, читал вслух...

— Что ж он читал?

— Про англичан, что они ружья да пороху кому-то привезли. Алексей Спиридоныч сказали, что война будет.

<...>

— Ну, что еще нового в политике? — спросил, помолчав, Илья Ильич.

— Да пишут, что земной шар все охлаждается: когда-нибудь замерзнет весь.

— Вона! Разве это политика? — сказал Обломов.

Алексеев оторопел.

— Дмитрий Алексеич сначала упомянули политику, — оправдывался он, — а потом все сподряд читали и не сказали, когда она кончится. Я знаю, что уж это литература пошла.

— Что же он о литературе читал? — спросил Обломов.

— Да читал, что самые лучшие сочинители Дмитриев, Карамзин, Батюшков и Жуковский...

— А Пушкин?

— Пушкина нет там. Я сам тоже подумал, отчего нет! Ведь он *хений*, — сказал Алексеев, произнося *г*, как *х* [Гончаров 2000: 478–479].

Обломов мгновенно реагирует на реестр литературных имен в газетном обзоре, куда не попадает почему-то Пушкин. Илья Ильич обнаруживает чуткость и подвижность мысли, доказывает, что внутренняя работа не останавливалась в нем ни на минуту. Автор, для которого имя Пушкина священо, доверяет произнести его на излете романа полудремлющему Обломову, а не деятельностному Штольцу. Отклик героя на газетные новости вновь возвращает нас к вопросу о внешней и внутренней деятельности.

Немецкий культуролог Эрих Фромм, размышляя о феномене «действия» и «бездействия» в книге «Искусство любить», по нашему мнению, оказывается близок к гончаровскому миропониманию в романе «Обломов». «Признав любовь деятельностью, — замечает Э. Фромм, — мы сталкиваемся, однако, с определенной трудностью, которая состоит в неоднозначности слова “деятельность”. Под “деятельностью” <...> обычно понимается действие, предполагающее некоторую затрату энергии и влекущее за собой изменение существующего положения вещей. Так, деятельным считается человек, занимающийся бизнесом, изучающий медицину, работающий на конвейере <...>. Все эти виды активности имеют между собой то общее, что все они направлены на достижение некоторой внешней цели. Что же касается мотивов деятельности, то они не принимаются во внимание. Вот, например, че-

ловец, который взялся за нескончаемую работу, движимый чувством одиночества и неуверенности; или другой — движимый честолюбием или жадностью. В любом из этих случаев человек — раб своей страсти, и его активность есть на самом деле “пассивность”, потому что он гоним этой страстью. Его роль “страдательная”, а не “действительная”. С другой стороны, человек, неподвижно сидящий и созерцающий безо всякой видимой цели, кроме разве что переживания своего единства с миром, считается “пассивным”, потому что он ничего не “делает”. Но на самом деле такое состояние сосредоточенной медитации — самая высшая форма деятельности из всех, какие возможны: деятельность души, возможная только при условии *внутренней* (курсив мой. — И. П.) свободы и независимости» [Фромм].

Называя имя Пушкина, произнося монолог «о человеке», до конца оставаясь «поэтом в жизни», занимаясь «выделкой покая», отстаивая право на непубличность и свое собственное понимание исторического прогресса, Илья Ильич Обломов проявляет, конечно, внутреннюю свободу и независимость. Внешняя инерция главного героя оборачивается напряженной внутренней динамикой, одним из маркеров которой становится в тексте Гончарова парадигма «Обломов — газета», интегрирующаяся автором в более широкое противопоставление: Обломов — информационный мир.

Мы предполагаем, что самоироничное словосочетание «*равнодушие ко всему*», выделенное в одном из писем Гончарова-редактора курсивом, имеет, как и в случае с Обломовым, обратную сторону — участливое внимание и любовь ко всему. А возможно, писатель имеет в виду «равнодушие ко всему» в значении ко всему мелкому, несущественному. Трудно представить действительно *равнодушным* человека, первым из русских писателей отважившегося на путешествие «кругом света» на военном фрегате и, как известно, принявшим на себя на склоне лет воспитание и попечение детей своего покойного камердинера.

Нет сомнения в том, что возможность увидеть литературный процесс изнутри, знакомство с газетно-журнальной сферой, равно как и цензорский опыт, повлияли на творчество Гончарова. Рецепция всего корпуса художественных текстов писателя с учетом его редакторской и цензорской службы, при условии дальнейшей расшифровки эволюционного кода образа газеты и других маркеров информационного мира в русской классической литературе, перспективна как для результатов-

ного осмысления закономерностей гончаровской поэтики, так и для реконструкции писательской репутации И. А. Гончарова.

Список литературы

Источники

- Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука. 2000. Т. 4. 495 с.
Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 8. 576 с.
Полевой П. Н. История русской словесности: в 3 т. СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1900. Т. 3. 708 с.
Суперанский М. Ф. Ив. Ал. Гончаров и новые материалы к его биографии // Вестник Европы. 1908. № 12. С. 417–460.
Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: АН СССР, 1978–2018.
Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: АН СССР, 1974–1983.

Исследования

- Адян В. С.* Застарелое младенчество: (к вопросу о гончаровском понимании природы обломовщины) // Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 г. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 86–94.
Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров в «Северной почте» (История одной газетной публикации) // Материалы Международной научной конференции, посвящённой 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Печатный двор, 1998. С. 261–267.
Греков В. Н. «Неумеренно горячий образ действий редакции» (И. А. Гончаров — цензор газеты «День») // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: «Корпорация технологий продвижения», 2012. С. 319–326.
Зубов К. Ю. И. А. Гончаров-фельетонист на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» // Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: «Корпорация технологий продвижения», 2017. С. 213–224.
Ковалёв И. А. И. А. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 136–141.
Котельников В. А. И. А. Гончаров в цензурном ведомстве // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во Рос. нац. библиотеки, 2013. Вып. 6. С. 247–278.
Лоциц Ю. М. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 1977. 351 с.
Мельник В. И. И. А. Гончаров. М.: Вече, 2012. 432 с.
Пырков И. В. Письма Обломова // Вестник славянских культур. 2012. № 3 (25). С. 71–80.
Семёнова Т. А. Особенности развития газетного дела в России в первой половине XIX века // Молодой учёный. 2010. № 12 (23). С. 24–27.

Семёнов А. Н. Концепт СМИ в структуре художественного текста И. А. Гончарова (роман «Обломов») // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: «Корпорация технологий продвижения», 2012. С. 144–151.

Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Ленинградский ун-т, 1987. 180 с.

Труайя Анри. «Милльон терзаний» Ивана Александровича Гончарова. (Перевод с французского М. А. Руковой). М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 111–114.

Фромм Эрих. Искусство любить. М.: Педагогика, 1990. С. 10–11.

References

Adian, V. S. “Zastareloe mladenchestvo: (k voprosu o goncharovskom ponimanii prirody oblomovshchiny)” [“Chronic Infancy: (on Goncharov’s Understanding of the Nature of Oblomovism)”]. *Materialy iubileinoi goncharovskoi konferentsii 1987 g.* [Materials of the Jubilee Goncharov Conference of 1987]. Ul’ianovsk, Simbirskaiia kniga Publ., 1992, pp. 86–94. (In Russ.)

Gaintseva, E. G. “I. A. Goncharov v ‘Severnoi pochte’ (Istoriia odnoi gazetnoi publikatsii)” [“I. A. Goncharov in the ‘Severnaya Pochta’ (History of a Newspaper Publication)”]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 185-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 185th Anniversary of I. A. Goncharov]. Ul’ianovsk, Pechatnyi dvor Publ., 1998, pp. 261–267. (In Russ.)

Grekov, V. N. “Neumerenno goriachii obraz deistvii redaktsii’ (I. A. Goncharov — tsenzor gazety ‘Den.’)” [“Unreasonably Hot Way of Action by the Editorial Board” (I. A. Goncharov as a Censor of the Newspaper ‘Den’)]]. *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [Proceedings of the 5th International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of I. A. Goncharov]. Ul’ianovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., 2012, pp. 319–326. (In Russ.)

Zubov, K. Iu. “I. A. Goncharov-fel’etonist na stranitsakh ‘Sankt-Peterburgskikh vedomostei’.” [“Goncharov-feuilletonist on the Pages of St. Petersburg Gazette”]. *Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 205-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [Proceedings of the 6th International Scientific Conference Dedicated to the 205th Anniversary of I. A. Goncharov]. Ul’ianovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia, 2017, pp. 213–224. (In Russ.)

Kovalev, I. A. “Ivan Goncharov — redaktor gazety ‘Severnaia pochta’.” [“Ivan Goncharov as an Editor of the Newspaper ‘Severnaya Pochta’.”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1958, pp. 136–141. (In Russ.)

Kotel’nikov, V. A. “I. A. Goncharov v tsenzurnom vedomstve” [“I. A. Goncharov in the Censorship Department”]. *Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost’* [Censorship in Russia: History and Modernity], issue 6. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional’naia biblioteka Publ., 2013, pp. 247–278. (In Russ.)

- Loshchits, Iu. M. *Goncharov* [Goncharov]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1977. 351 p. (In Russ.)
- Mel'nik, V. I. I. A. *Goncharov* [I. A. Goncharov]. Moscow, Veche Publ., 2012. 432 p. (In Russ.)
- Pyrkov, I. V. "Pis'ma Oblomova" ["Oblomov's Letters"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 3 (25), 2012, pp. 71–80. (In Russ.)
- Semenova, T. A. "Osobennosti razvitiia gazetnogo dela v Rossii v pervoi polovine XIX veka" ["Features of the Development of Newspaper Business in Russia in the First Half of the 19th Century"]. *Molodoi uchenyi*, no. 12 (23), 2010, pp. 24–27. (In Russ.)
- Semenov, A. N. "Kontsept SMI v strukture khudozhestvennogo teksta I. A. Goncharova (roman 'Oblomov')" ["The Concept of Mass Media in the Structure of I. A. Goncharov's Literary Text (the Novel 'Oblomov')"]. *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [Proceedings of the 5th International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of I. A. Goncharov]. Ul'ianovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., 2012, pp. 144–151. (In Russ.)
- Sukhikh, I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Issues of A. P. Chekhov's Poetics]. Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 1987, 180 p. (In Russ.)
- Truaia, Anri. "Mil'on terzanii" Ivana Aleksandroviicha Goncharova ["Million of Torments" by Ivan Alexandrovich Goncharov]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2012, pp. 111–114. (In Russ.)
- Fromm, Erikh. "Iskusstvo liubit'" ["The Art of Loving"]. Moscow, Pedagogika Publ., 1990. pp. 10–11. (In Russ.)